

ЛОГИНОВА Екатерина Юрьевна,
студентка 4 курса Международно-правового факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
e-mail: ekatlog2004@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ СОГЛАСИЯ В ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу концепции согласия в праве международных договоров. Рассматривается соотношение формальных процедур выражения согласия, закрепленных в Венской конвенции 1969 года, и действительной воли государств-участников. Особое внимание уделяется проблемам толкования международных договоров, определению оснований недействительности согласия и научным дискуссиям вокруг расширительного понимания экономического и политического принуждения.

Ключевые слова: согласие, право международных договоров, Венская конвенция, волеизъявление, принуждение, толкование договоров, согласование воли, недействительность договоров.

LOGINOVA Ekaterina Yurievna,
4th year student Faculty of International Law,
Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Education
“Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”

CONSENT IN THE LAW OF TREATIES: THEORETICAL FOUNDATIONS AND LIMITS OF APPLICATION

Annotation. The article provides a critical analysis of the concept of consent in the law of treaties. It examines the correlation between the formal procedures for expressing consent established by the 1969 Vienna Convention and the actual will of the participating states. Particular attention is given to the issues of treaty interpretation, the identification of grounds for the invalidity of consent, and the academic discourse surrounding a broader understanding of economic and political coercion. Ultimately, the study emphasizes that the international legal system is founded on the principle of legal equality, and the factual asymmetry of the parties does not, in itself, constitute a defect of consent.

Key words: consent, law of treaties, Vienna Convention, expression of will, coercion, treaty interpretation, coordination of wills, invalidity of treaties.

Понятие согласия как объекта международно-правового исследования может быть охарактеризовано с нескольких теоретических позиций. Согласие выступает условием нормотворчества в международном праве, составляющим фундамент создания, признания и действия международно-правовых норм. На основе согласия выстраиваются отношения между субъектами международного права и обеспечивается функционирование норм международного права

(далее: МП), что обуславливает значительный интерес к данной категории. Вместе с тем, несмотря на устойчивое внимание доктрины к указанной проблематике, существуют различные и порой взаимоисключающие подходы к пониманию согласия. Следует отметить, что наличие различных доктринальных позиций не затрагивает практического функционирования согласия в международном праве. Однако постепенная эволюция международной практики, в свою оче-

редь, создает базу для изменений в понимании такой категории, как согласие, со стороны некоторых школ международного права, что влечёт за собой дискуссии относительно содержания и границ данного понятия. Наряду с этим предпринимаются попытки заново оценить или полностью пересмотреть уже существующие и вполне устоявшиеся нормы МП.

Таким образом, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года (далее – «Конвенция» или «ВКМД») формализовала согласие посредством установления конкретных процедур и правил, однако в настоящий момент рядом ученых ставится вопрос о соотношении юридического факта «согласия» с действительной волей участников договора. Указанный вопрос приобретает особую остроту в контексте толкования договоров и определения оснований недействительности согласия на их заключение, а также при оценке форм давления, не охваченных конвенционным перечнем пороков воли.

Настоящая статья посвящена критическому анализу понятия «согласие» в праве международных договоров. Целью работы является исследование природы согласия в международном праве и рассмотрение различных доктринальных позиций в отношении оценки такой категории.

Формализация согласия в Венской конвенции

Венская конвенция представляет собой кодифицированную систему норм, регулирующих порядок заключения, действия и прекращения международных договоров. Ключевое место в порядке заключения международного договора занимает выражение согласия государства на обязательность договора. Однако между формальными процедурами выражения согласия (подписание, ратификация, присоединение) и реальной волей участников существует значительная дистанция.

В рамках Венской конвенции волеизъявление государства получило дополнительное формальное выражение посредством установления конкретных процедур и правил. Иными словами, согласие в контексте Конвенции представляет собой не волеизъявление как таковое, а *процедуру*. Данный тезис подтверждается анализом положений Конвенции, регулирующих толкование договоров и основания недействительности согласия.

На первый взгляд может показаться, что юридическое значение согласия не тождественно реальному волеизъявлению и что система Венской конвенции, устанавливая согласие через форму (подписание, ратификацию, присоединение), создаёт дистанцию между фактом воли и юридическим фактом «согласия». Однако такое

прочтение Конвенции является упрощённым: статьи 48–53 содержат развёрнутую систему оснований недействительности, обращённых именно к содержанию и условиям формирования воли — обман, подкуп, принуждение представителя, принуждение государства, противоречие нормам *jus cogens*. Это свидетельствует о том, что Конвенция отнюдь не сводит согласие к чистой форме. Тем не менее определённое расхождение между формой и содержанием согласия существует: согласие, данное под давлением, которое не квалифицируется как угроза силой или её применение в смысле статьи 52 ВКМД, формально остаётся действительным. Утверждение о данном расхождении находит широкую поддержку со стороны отечественной доктрины МП. Теория «согласования воли» Г.И. Тункина исходила из того, что юридическое согласие неотделимо от реального содержания воли, а потому любая деформация воли, в том числе экономическим или политическим давлением, подрывает действительность договора, даже если формальная процедура соблюдена [1; 2]. Данная позиция, является главенствующей как в отечественной доктрине, так и в международной практике. В то же время следует отметить, что советская делегация на Венской конференции 1968–1969 гг. настаивала на расширительном толковании понятия «принуждение», включающем экономическое и политическое воздействие. И хотя эта позиция не была закреплена в тексте Конвенции, она нашла отражение в Декларации о запрещении военного, политического или экономического принуждения при заключении договоров, приложенной к Заключительному акту Конференции.

Таким образом, то обстоятельство, что критерии разграничения давления и принуждения остаются дискуссионными, свидетельствует об определенной незавершённости нормативного закрепления согласия [3]. Юридическая действительность согласия, данного в условиях существенного неравенства сторон, при формальном соблюдении процедуры и отсутствии принуждения в узком смысле статьи 52 Конвенции, является, не постоянным свойством системы, а конкретно-историческим несовершенством. Оно отражает отсутствие всеобъемлющего характера регулирования международного права. Этот вывод подтверждается тем, что МП располагает инструментами, компенсирующими определенные пробелы. Принципы суверенного равенства государств, добросовестности и недопустимости злоупотребления правом образуют нормативные рамки, в пределах которых формально действительное, но, по существу, несвободное согласие может быть оспорено. Более того, развитие международного права в сфере ответственности за принуждение, действие норм *jus cogens* свиде-

тельствуют о том, что правопорядок движется в направлении, обозначенном теорией согласования воли.

Общепринятая позиция заключается в том, что толкование договоров согласно ст. 31 ВКМД характеризуется как основанное на «обычном значении» терминов, а не на первоначальных намерениях сторон, и, в свою очередь, обращение к подготовительным материалам (ст. 32 ВКМД) является лишь вспомогательным средством. Несмотря на это некоторые ученые, такие как, М. Крейвэн высказывают мнение о том, что толкование должно строиться на «действительных» намерениях сторон. Тем самым данная позиция противопоставляет намерение сторон (субъективную волю) объективному стандарту толкования. Идея Крейвэна перекликается с позицией Х. Лаутерпахта, который последовательно отстаивал приоритет намерений сторон, подлежащих установлению с помощью совокупности всех средств толкования, включая *travaux préparatoires*. Это мнение было сформировано еще в процессе разработки ВКМД.

Толкование, акцент которого значительно смещен на «первоначальные намерения сторон» представляется спорным. Во-первых, ст. 31 закрепляет единое правило толкования, включающее наряду с обычным значением также требования добросовестности, учёта объекта и цели договора, а согласно п. 4 той же статьи прямо допускает специальное значение термина, «если установлено, что участники имели такое намерение». Это свидетельствует о невозможности полного исключения воли сторон из процесса толкования.

Во-вторых, как последовательно подчёркивалось в отечественной доктрине (Г.И. Тункин, А.Н. Талалаев, И.И. Лукашук), международный договор представляет собой акт согласования воли суверенных государств, что само по себе не исключает их субъективную волю и не может привести к навязыванию обязательств, на которые государства согласия не давали. То есть именно намерение сторон, оформленное в текст договора, имеет принципиально важное значение. Представляется неверным обесценивать процедуру ради того, чтобы попытаться вычленивать «чистое» намерение стороны, — подобный подход тяготеет к радикальному субъективизму.

Также следует отметить то, что Конвенция допускает привлечение подготовительных материалов (*travaux préparatoires*) даже тогда, когда результат толкования по статье 31 представляется вполне ясным и непротиворечивым [4]. Функция подготовительных материалов в этом случае состоит не в том, чтобы восполнить пробел или устранить противоречие, а в том, чтобы дополнительно удостовериться: выявленное значение

нормы действительно соответствует тому, на что стороны давали своё согласие в ходе переговорного процесса. Тем самым ВКМД подтверждает, что текст договора не является единственным и исчерпывающим средством для установления подлинной воли участников: согласие государств формируется в процессе переговоров, и материалы, фиксирующие этот процесс, могут служить легитимным средством проверки достигнутого результата [5; 6].

Более того, противопоставление таких категорий как «действительное намерение сторон» и «обычное значение терминов» при толковании международно-правовых договоров методологически не совсем некорректно. Статья 31 закрепляет принцип добросовестного толкования, из которого логически выводимы и текстуальный, и телеологический подходы — они не противоречат друг другу, а сосуществуют в рамках единого правила [7]. При этом толкование по «обычному значению» термина представляет собой не исключение намерений сторон, а форму обращения к ним. Исходя из обычного значения термина, толкователь презюмирует, что именно такое значение стороны и намеревались вложить; если же стороны желали придать термину специальное значение, как уже было сказано выше, они фиксируют это отдельно (п. 4 ст. 31), что подтверждается и практикой самой ВКМД. Далее, квалификация текста и объекта договора как «объективных» величин, противостоящих «субъективной» воле, смешивает категории разного порядка: текст является результатом субъективного волеизъявления. Объект и цель не возникают объективно, а формулируются сторонами. Таким образом, мнимое противопоставление в данном контексте лишено оснований. Наконец, следует разграничивать формирование воли и толкование выраженной воли — это разные категории, и их смешение приводит к тому, что проблемы возникновения согласия необоснованно переносятся в плоскость толкования, тогда как ст. 31 ВКМД регулирует именно второй процесс, не претендуя на исчерпывающее описание первого.

Возвращаясь к тезису о вытеснении субъективной воли объективным стандартом, необходимо отметить, что в современной практике вопрос сводится, скорее, к проблеме чрезмерного текстуализма [8] и подчеркивается опасность сведения толкования к буквальному прочтению текста в отрыве от реальной воли субъектов [9]. Более того, как показывает решение МС ООН по делу о проекте Габчиково - Надьмарош (1997), договорная норма не является «застывшей» — она получает развитие в процессе применения [10], что было бы невозможно, если бы толкование действительно исчерпывалось механическим установлением «обычного значения» в

момент заключения договора [11]. Иными словами, утверждение о приоритете объективного стандарта над субъективной волей не только упрощает содержание ст. 31 ВКМД, но и не находит последовательной поддержки в судебной практике, на которую оно опирается.

Также необходимо повторно отметить, что принуждение признаётся основанием недействительности только в узко определённых формах: принуждение представителя государства (ст. 51) или принуждение государства посредством угрозы силой или её применения (ст. 52), тогда как иные формы давления — экономическое, политическое, дипломатическое — формально не закреплены Конвенцией в качестве пороков согласия [12]. Однако данный тезис нуждается в существенных оговорках: Декларация о запрещении военного, политического и экономического принуждения при заключении договоров, приложенная к Заключительному акту Венской конференции 1969 года, хотя и не имеет обязательной силы, отражает *opinio juris* значительной части государств (прежде всего развивающихся) о недопустимости экономического принуждения и свидетельствует о незавершённости нормативного консенсуса по этому вопросу. Современная доктрина (Дж. Кроуфорд, М. Коскенниemi) всё активнее подвергает сомнению разграничение между военным и экономическим принуждением, указывая, что в условиях глобальной взаимозависимости экономические санкции и кондициональность финансовой помощи могут подрывать свободу согласия не менее эффективно, чем угроза силой [13], а узкое толкование ст. 52 отражает не столько логику права, сколько расстановку сил на момент кодификации [14; 15]. Таким образом, представители современной западной школы, оценивая ст. 51–52 ВКМД, нередко констатируют, что конвенционный перечень форм принуждения исчерпывающе отражает «действующее позитивное право, как оно есть сейчас» (*lex lata*), но игнорирует устойчивую тенденцию *de lege ferenda* — то есть тенденцию в плане того, каким право должно развиваться — к расширительному пониманию принуждения, включающему экономическое и политическое давление [1; 16].

Таким образом, узкое толкование ст. 52 ВКМД представляется несколько спорным. Подобная постановка вопроса уязвима по целому ряду оснований. Во-первых, ВКМД является процедурным инструментом, фиксирующим юридические формы согласия, а не исчерпывающий «кодекс» условий формирования государственной воли; требовать от Конвенции регулирования всей совокупности обстоятельств, в которых воля возникает, значит предъявлять к ней требования, выходящие за пределы её предмета. В

данной связи А.Н. Талалаев указывает, что без текстуальной формы невозможно выражение воли сторон. Но в то же время избыточная детализированность Конвенции повлечет подрыв стабильности системы международного права, так как слабые государства при любом удобном случае будут ссылаться на размытые критерии. Во-вторых, фактическое неравенство государств — экономическое, географическое, военное — есть данность международных отношений, а не порок согласия: слабое государство, заключающее договор с сильным, преследует собственные интересы (гарантии безопасности, инвестиции, доступ к ресурсам), выражает тем самым свою волю, пусть и сформированную в условиях асимметрии. В-третьих, международное право основано на принципе юридического, а не фактического равенства: экономическое давление может быть оценено как недобросовестное, однако не следует забывать, что ВКМД — источник правовых норм, а не морально-этических. Наконец, само разграничение *lex lata* и *de lege ferenda* в данном контексте подтверждает, что расширительное понимание принуждения остаётся «пожеланием», не имеющим нормативного закрепления, и его представление рядом авторов в качестве «устойчивой тенденции развития современного МП» не меняет действующего правового положения. Международное право основано на принципе юридического равенства государств, и фактическая асимметрия сторон, сколь бы значительной она ни была, сама по себе не составляет порока согласия. Признание обратного неизбежно поставило бы под сомнение стабильность всей системы международных договорных обязательств.

Список литературы:

- [1] Тункин Г. И. Теория международного права. — М. : Зерцало, 2000. — 416 с.
- [2] Лангстрём А. Россия в переходный период: эволюция международно-правовых доктрин. Сравнительный анализ учебников «Международное право» под ред. Г. И. Тункина (1982) и под ред. Ю. М. Колосова и В. И. Кузнецова (1995) // Московский журнал международного права. 2021. С. 202–235.
- [3] Villiger M. E. Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers / Brill, 2009. 1093 p.
- [4] Mortenson J. D. The Travaux of Travaux: Is the Vienna Convention Hostile to Drafting History? // American Journal of International Law (AJIL). 2013. Vol. 107. P. 780–822.
- [5] Yee S. Notes on the International Court of Justice (Part 6) — The Fourth Use of Travaux Préparatoires in the LaGrand Case: To Prove the

Non-preclusion of an Interpretation // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16, no. 2. P. 351-365.

[6] Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries / International Law Commission (ILC). 2018. 102 p.

[7] Daillier P., Forteau M., Pellet A. Droit international public. 8th ed. Paris : LGDJ, 2009. 1709 p.

[8] Judgment of 2 February 2018 (Maritime Delimitation in the Caribbean Sea and the Pacific Ocean (Costa Rica v. Nicaragua) and Boundary in the Northern Part of Isla Portillos (Costa Rica v. Nicaragua)) // I.C.J. Reports. 2018.

[9] McRae P. The Search for Meaning: Continuing Problems with the Interpretation of Treaties. 2002. P. 209-260.

[10] The Effect of the Passage of Time on the Interpretation of Treaties // Leiden Journal of International Law. 2011. P. 201-222.

[11] Case Concerning the Gabčíkovo–Nagymaros Project (Hungary/Slovakia) // International Law Reports. 2000. Vol. 116.

[12] The Vienna Convention on the Law of Treaties: Declaration on the Prohibition of Military, Political or Economic Coercion in the Conclusion of Treaties // Oxford Commentary on the Vienna Convention on the Law of Treaties. Oxford : Oxford University Press, 2025. 31 p.

[13] The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary / ed. by O. Corten et al. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2025. (Oxford Commentaries on International Law). P. 898-903.

[14] Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford : Oxford University Press, 2019. 785 p.

[15] Bâli A. Weapons Against the Weak: International Law and the Political Economy of Coercion. [S. l.], 2024.

[16] Batinga J. Economic Coercion and the Evolving Interpretation of the Use of Force: Economic Coercion and the Evolving Interpretation of Article 2(4) // Wisconsin International Law Journal. 2024. Vol. 41, no. 2.

References:

[1] Tunkin, G. I. Theory of International Law. Moscow: Zertsalo, 2000, 416 p.

[2] Langström, A. Russia in Transition: The Evolution of International Legal Doctrines. A Comparative Analysis of the Textbooks "International Law" edited by G. I. Tunkin (1982) and edited by Yu. M. Kolosov and V. I. Kuznetsov (1995) // Moscow Journal of International Law. 2021, pp. 202-235.

[3] Villiger, M. E. Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers / Brill, 2009, 1093 p.

[4] Mortenson J. D. The Travaux of Travaux: Is the Vienna Convention Hostile to Drafting History? // American Journal of International Law (AJIL). 2013. Vol. 107. P. 780-822.

[5] Yee S. Notes on the International Court of Justice (Part 6) - The Fourth Use of Travaux Préparatoires in the LaGrand Case: To Prove the Non-preclusion of an Interpretation // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16, no. 2. P. 351-365.

[6] Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries / International Law Commission (ILC). 2018. 102 p.

[7] Daillier P., Forteau M., Pellet A. Droit international public. 8th ed. Paris: LGDJ, 2009. 1709 p.

[8] Judgment of 2 February 2018 (Maritime Delimitation in the Caribbean Sea and the Pacific Ocean (Costa Rica v. Nicaragua) and Boundary in the Northern Part of Isla Portillos (Costa Rica v. Nicaragua)) // I.C.J. Reports. 2018.

[9] McRae P. The Search for Meaning: Continuing Problems with the Interpretation of Treaties. 2002. P. 209-260.

[10] The Effect of the Passage of Time on the Interpretation of Treaties // Leiden Journal of International Law. 2011. P. 201-222.

[11] Case Concerning the Gabčíkovo–Nagymaros Project (Hungary/Slovakia) // International Law Reports. 2000. Vol. 116.

[12] The Vienna Convention on the Law of Treaties: Declaration on the Prohibition of Military, Political or Economic Coercion in the Conclusion of Treaties // Oxford Commentary on the Vienna Convention on the Law of Treaties. Oxford: Oxford University Press, 2025. 31 p.

[13] The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary / ed. by O. Corten et al. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2025. (Oxford Commentaries on International Law). P. 898-903.

[14] Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford: Oxford University Press, 2019. 785 p.

[15] Bâli A. Weapons Against the Weak: International Law and the Political Economy of Coercion. [S. l.], 2024.

[16] Batinga J. Economic Coercion and the Evolving Interpretation of the Use of Force: Economic Coercion and the Evolving Interpretation of Article 2(4) // Wisconsin International Law Journal. 2024. Vol. 41, no. 2.

